

Начался новый день. В этот день в участке вывесили расписание патрулирования. Однако по сравнению с прежним патрулированием по двое, теперь группы состояли из пяти человек. Патрульные должны были быть вооружены, а зоны патрулирования сократились.

Кроме того, Бандиник вручил некоторым полицейским свернутые свитки:

- Приказы о повышении! Поздравляю!

Большой Мак получил свой. Он был повышен до детектива:

- О! Боже! О! Благодарю вас!

Большой Мак произносил имя Бога, но смотрел на Орвицку. Впрочем, на самом деле он, вероятно, смотрел на кого-то гораздо более далекого.

Повышение от патрульного до детектива, еженедельная зарплата с 60 айко до 1 золотого герба - это было не просто изменение должности и оклада. Этот уровень повышения был подобен переходу от рядового солдата к унтер-офицеру в армии, качественный скачок, даже, без преувеличения, изменение социального статуса. Подавляющее большинство обычных солдат не могли достичь этого.

Орвицка тоже получил повышение. Как и ожидалось, он стал старшим патрульным, заняв место Большого Мака.

Однако сегодня Большому Маку еще предстояло выполнять обязанности патрульного. Настоящим детективом он станет только завтра.

Большой Мак и его братья обнимались и праздновали. Орвицка прислонился к стойке регистрации, никто не смел к нему приблизиться...

- Эй, Мондэйл.

Кто-то ткнул его в спину. Орвицка обернулся - это был Бандиник, прикрывавший рот рукой. "Так ты еще заметнее", - подумал Орвицка.

- Что? - спросил он.

- Дэйкри тоже повысили до детектива, а вот подлиза так и остался старшим патрульным! - прошептал Бандиник.

- Вот это действительно хорошая новость, - Орвицка тут же улыбнулся.

Во время подавления беспорядков поведение большинства патрульных Рыбьего Хвоста, наконец, несколько исправило отвращение Орвицки к этой профессии. Они были храбры с врагами, и хотя не проявляли особой нежности и заботы к мирным жителям, все же выступали их защитниками, становясь щитом перед ними. Но трусы, конечно, тоже были.

Глупые трусы просто бежали и могли рассчитывать лишь на пулю в спину и "героическую" гибель. По крайней мере, начальник Далиан доложил об их смерти в бою, и все свидетели предпочли промолчать. Так их семьи могли получить хотя бы небольшую пенсию.

Умные трусы находили благовидные предлоги для своей робости. Например, подлиза Байди Шультон. После первого дня боев Орвицка услышал, что он ранен. Тогда Большой Мак еще заметил: "Этот парень хоть раз повел себя как мужчина". Позже выяснилось, что он просто упал и повредил руку. Конечно, сам он утверждал, что был ранен ножом бандита в схватке.

Место дежурства Орвицки и Большого Мака в их последний совместный день тоже изменилось. Их направили в районный суд в качестве судебных приставов.

В самом начале службы патрульным Большой Мак говорил, что полицейские выполняют много разных обязанностей, включая работу судебных приставов и тюремных надзирателей. На этот раз очередь дошла и до Орвицки.

- Ох... сейчас быть судебным приставом - не самое лучшее дело, - радость Большого Мака от повышения была омрачена последним рабочим днем. Его улыбка исчезла, брови сошлись на переносице. - Ты же знаешь, сейчас в тюрьме сидят те, кого мы туда упрятали.

- Какой им вынесут приговор? - спросил Орвицка.

- Возможно, смертная казнь, возможно, ссылка. Пошли. Нам нужно успеть на транспорт.

- Минутку! - Орвицка попросил Бандиника передать Биллу Батлери в обед, что он сегодня дежурит в суде.

Вообще-то он сегодня еще хотел попросить у Бандиника новую форму и ботинки, но явно не

успевал. Ладно, завтра.

Сегодня на дежурство в качестве судебных приставов выделили сорок человек, целых восемь групп. Они сели в две полицейские повозки и направились к районному суду.

Районный суд находился рядом со зданием районной администрации. Однако администрация Рыбьего Хвоста располагалась не в самом Рыбьем Хвосте, а в соседнем районе Ракушек, на улице Черного Ящика. Изначально улица называлась иначе, но именно здесь находились администрации и суды семи районов Содмана: Рыбьего Хвоста, Черного района, самого района Ракушек, района Белых Носков, района Хиклин и других.

Прежний владелец тела изучал эту историю на уроках. Такое расположение объяснялось тем, что все это были неблагополучные районы Содмана. Чиновники районных администраций, депутаты, а также судьи, секретари, клерки и присяжные судов отказывались работать и проводить заседания там, поэтому после обсуждения администрации и суды этих районов перенесли в район Ракушек.

Район Белых Носков был исключением. Он должен был относиться к престижным районам, но чиновники его администрации и суда все равно отказывались работать на его территории, считая ее "грязной". Но это был парадокс: назначенные государством чиновники - это одно, но депутаты - разве их выбирали не в этом же районе? Если они там не работают, то перестают быть жителями этого места?

В общем, из-за обилия судов здесь постоянно курсировали черные полицейские повозки, поэтому улицу и прозвали "Черный Ящик".

Орвицка вышел из повозки, и увиденное заставило его застыть.

Перед зданием суда возвышалась виселица. Сейчас она была пуста, два палача в черных капюшонах сидели у ее основания и болтали. Но рядом с виселицей пусто не было - там громоздилась груда тел, сложенных вперемешку. Рядом стояла деревянная телега, запряженная старой лошадей, и несколько обычных грузчиков раздевали трупы и грузили их на телегу. Снятая одежда валялась небольшой кучей рядом с телами.

Эта сцена отличалась от казней во время беспорядков. Увидев ее внезапно, Орвицка почувствовал, как у него защемило сердце.

- Эй! Парни! Удачи сегодня! - Когда они направились к зданию суда, палачи весело поприветствовали их.

- Палачи зарабатывают на повешенных, по 10 айко за человека, - сказал Большой Мак. - Этих, должно быть, повесили вчера, еще не успели убрать.

Орвицка посмотрел на груды тел. Фекалии и моча, стекавшие с трупов, образовали под ними лужу.

Толкнув дверь и войдя в суд, они встретили пятерых патрульных из Рыбьего Хвоста. Те дежурили здесь ночью.

Орвицка вдруг понял, что ни разу не дежурил ночью. Это тоже была особая забота о нем.

Эти пятеро выглядели сонными. Увидев вошедших, они зевнули, махнули рукой и прошли мимо.

Большой Мак окинул взглядом сегодняшних патрульных, выбрал одну группу из пяти человек и оставил их охранять вход.

- Если потом почувствуешь себя плохо, можешь в любой момент смениться и пойти охранять дверь, - сказал он Орвицке.

- Не волнуйся, я в порядке, - Орвицка подумал, что его реакция у входа ввела Большого Мака в заблуждение. - Я ведь тоже пережил беспорядки.

Большой Мак посмотрел на него:

- Тогда возьмемся за самую тяжелую работу, как насчет?

- Конечно, без проблем, - отозвались остальные.

Тогда Большой Мак не стал вести всех дальше внутрь. Он остановился и начал называть по именам командиров пятиместных групп - неужели он запомнил их всех, хотя группы сформировали только сегодня утром?!

Теперь, включая Большого Мака и Орвицку, их осталось десять человек - все самые близкие к Большому Маку:

- Ладно, меня скоро повысят. Сегодня последний раз работаю с вами, ублюдками, - сказал он с ухмылкой.

Подчиненные Большого Мака рассмеялись, понимая, что старый капитан подшучивает над ними.

- Конечно, я теперь буду детективом! - Большой Мак потянул себя за воротник, расправляя складки на груди формы. - Смогу носить гражданскую одежду. Так что... если Шультон снова посмеет вас доставать, я разобью ему яйца!

- О-о-о!

- Да здравствует детектив Биддл!

- Разбить яйца Шультону!

- Ха-ха-ха!

- Тсс! Тсс! - шикнул Большой Мак. - Если эти господа услышат ваши крики, то сначала разобьют наши яйца! Сегодня идем пить... Черт! - Питейных заведений больше не было. - Когда таверну "Крюк" отстроят, пойдем пить! Я угощаю!

Орвицка поддакивал вместе с остальными. Хотя он не считал выпивку в таверне "Крюк" чем-то особенным, да и угощать тогда должен был Билл? Впрочем, то, что пострадает только кошелек Билла - мелочи. Атмосфера, созданная Большим Маком, была действительно хорошей.

- Эй! Ты, парень, не стой столбом и не поддакивай им, ты теперь будешь их командиром! - Большой Мак указал на Орвицку.

Мгновенно наступила тишина...

Орвицка не знал, что ответить. Сказать: "Привет всем, я теперь ваш командир?" Или: "Спасибо, я обязательно буду хорошо руководить вами?" Или: "Конечно! Я теперь главный!"

Ни один из вариантов не подходил, все казалось неловким и неуместным. Что ему делать?

Это полностью разрушило непринужденную атмосферу, которую Большой Мак создал для плавной передачи дел Орвицке.

С другой стороны, подчиненные Большого Мака уже знали, что Орвицка стал старшим патрульным и займет его место. Но только что, во время празднования в участке, все окружали Большого Мака, а Орвицку игнорировали. Теперь же Большой Мак выделил его, не позволяя больше игнорировать.

- Эй! Босс Мондэйл! - внезапно крикнул Орвицке Макс Ватт.

- Большой Мондэйл! - тут же подхватили братья Кадо своим простодушным голосом.

Прозвище "Большой Мондэйл" было слишком стыдным. Орвицка мгновенно покраснел, краска залила его от корней волос до шеи.

Его покраснение вызвало взрыв смеха у остальных. Хотя сила, продемонстрированная Орвицкой во время подавления беспорядков, иногда их пугала, но посмотрите на него сейчас - он просто застенчивый юноша, не умеющий говорить. Вспомнив его прежние слова, люди мгновенно перестали воспринимать его как нечто нечеловеческое, страх и настороженность ослабли.

Так что у детского лица иногда бывают и преимущества.

Целенаправленные действия Большого Мака, прежнее поведение Орвицки и неоспоримый факт, что Орвицка действительно стал их начальником, а также его хорошие отношения с новичками... Эти новички, хоть и были сильны до нечеловечности и вели себя высокомерно, имели одно большое преимущество перед Старым Максвеллом - они не присваивали деньги подчиненных, например, награды за поимку. Будь на их месте Старый Максвелл, они получили бы максимум десять процентов.

Если подумать, то не только Орвицка, но и эти новички становились милее, ведь кто не любит золотые гербы? Патрульные смягчились.

- Большой Мондэйл!

- Босс Мондэйл!

- Просто Мондэйл! - Орвицка сдался, подняв руки. Прозвище "Большой Мак" было неплохим, но

"Большой Мондэйл"... это было ужасно. Впрочем, может, это влияние Большого Мака? Никто не назвал его "Большой Ор", и это было счастьем.

Снова раздался смех, но "Большим Мондэйлом" его больше не называли.

Большой Мак вздохнул с облегчением. Он даже специально поставил Орвицку в середину строя, а не позволил ему идти за своей спиной - кто бы мог подумать, что в Рыбьем Хвосте за такое короткое время произойдет столько событий. Он хотел постепенно обучать Орвицку полицейской работе по мере увеличения его обязанностей, но теперь многое просто не успел объяснить, придется учиться на ходу.

Однако самая тяжелая работа, о которой говорил Большой Мак, пока не могла начаться, потому что судья не пришел. Здесь был всего один зал суда и только один штатный судья.

Поэтому им пока нечего было делать. Большой Мак решил отвести Орвицку в канцелярию. В отличие от зала суда, канцелярий было больше десяти. Некоторые уже открылись. Большой Мак повел их в одну из них. Помещение было довольно просторным, размером с класс в Поднебесной, и обстановка напоминала классную комнату, только вместо учительского стола впереди стоял письменный стол, а вместо парт для учеников - только длинные скамьи без столов.

Патрульные расселись на скамьях. Орвицка сел прямо за Большим Маком.

- Мы не помешаем вашей работе? - спросил он, подумав, что Большой Мак привел всех сюда из-за его любопытства.

Большой Мак обернулся и подмигнул ему:

- Не волнуйся.

Делопроизводитель уже начал работать.

- По какому делу?

- Развод.

- Как вас зовут?

- Анна Портелт.

- Шани Портелт.

- 5 айко, - сказал делопроизводитель. - Хорошо. 3 августа 1047 года брак между Шани Портелтом и Анной Портелт официально расторгнут. Здесь подпишите, можно и отпечаток пальца поставить. Каждому по экземпляру. Готово, объявляю вас с этого момента свободными от брачных уз.

Орвицка стоял и смотрел с открытым ртом. Это... хотя до его переселения развестись становилось все труднее, но так легко, как здесь, - это было слишком несерьезно.

Пара тоже была несколько удивлена тем, как легко они развелись. Получив свои свидетельства о разводе, они оба выглядели растерянными, даже смотрели друг на друга с некоторой тоской.

- Еще есть дела? Если нет, быстро уходите! Следующий! - делопроизводитель не дал им опомниться. - По какому делу?

На этот раз вошла группа людей. С одной стороны явно был истец, а ответчика вели трое мужчин (не патрульные).

- Он обманул нас на деньги!

- Я не обманывал, просто не могу вернуть им долг!

- Сколько должен?

- 6 золотых гербов!

- Хорошо, одна рука, - решительно сказал делопроизводитель.

- Согласны! - процедил сквозь зубы истец, кивая.

- Нет-нет-нет, по закону разве не один палец? - взмолился ответчик.

- Закон недавно изменили. Наказание должно быть исполнено в суде. Делать это за его пределами - преступление. Итак, предоставить инструмент? 3 айко, - делопроизводитель достал из-под стола ручную пилу, покрытую смесью крови и ржавчины.

Орвицка: (ОДО) "Это что, ситком?"

Истец уже полез за деньгами. Ответчик в ужасе закричал:

- П-подождите! Я верну деньги! Я верну!

- Когда вернешь?!

- Прямо сейчас, сегодня! Я отведу вас туда, где спрятал деньги!

- Будете подавать иск? - спросил делопроизводитель у истца.

- Нет, спасибо, господин.

- Не за что, 60 айко, - делопроизводитель протянул руку к ящику для денег.

Все: ...

- Не заплатите? - Глаза сонного на вид делопроизводителя мгновенно расширились. Он резко нажал на звонок на столе. - Патрульные!

Хлоп! Десять патрульных ровным строем встали. Орвицка замешкался, его вид при этом был глуповатым и растерянным, как у новичка. Большой Мак и остальные уже достали дубинки и постукивали ими по ладоням.

- Нет-нет-нет! Заплатим! Мы заплатим! - закричали истцы.

Когда эти люди бросили 60 айко в ящик для денег, делопроизводитель внезапно сказал:

- Попытка уклонения от уплаты налога, вызов патрульных, штраф 40 айко, - он шевельнул рукой, показывая, что нужно бросить еще денег в ящик.

Лица истцов позеленели, но никто не осмелился колебаться. Бормоча "да-да-да!", все вывернули карманы. В конце концов, пришлось ответчику достать 10 айко, спрятанные в ботинке, чтобы они смогли заплатить всю сумму.

Эта группа ушла с лицами, искаженными от жадности. Тот делопроизводитель внезапно открыл маленький запертый ящик, достал две монеты по 10 айко и бросил их Большому Маку, себе взял 20 айко, сунул их в карман пиджака, а затем закрыл ящик.

Орвицка, который думал, что это место похоже на примирительный суд: "...". Он начал понимать, почему Большой Мак ему подмигивал. Пребывание здесь для них было не пустой тратой времени, а наоборот, очень выгодным делом.

Далее Орвицка наблюдал за рассмотрением самых разных дел. Были братья, делившие наследство. Секретарь помог им разделить имущество поровну, но в конце взял "небольшой" налог.

Была драка между двумя мужчинами. Тот, кому сломали руку, требовал компенсации. Секретарь постановил, чтобы он пошел и сломал руку обидчику. Но ответчик не стал послушно стоять и ждать удара, он оказал сопротивление и сломал истцу вторую руку. Делопроизводитель признал ответчика невиновным, заявив, что истец сам виноват в переломе второй руки из-за своей слабости. Затем истца и ответчика выгнали.

Был спор о браке. Родители за три дня умудрились выдать дочь замуж за троих мужчин. Теперь все трое заявляли, что являются законными мужьями женщины. Делопроизводитель просто предложил женщине самой выбрать, после чего она могла уйти. Затем ее родителям пришлось выплатить компенсацию двум оставшимся мужчинам. В итоге теща ушла с третьим мужем. Тестю же пришлось выбирать между тюрьмой и ожиданием приговора уголовного суда или двойной компенсацией плюс штрафом. Он, конечно, выбрал заплатить.

Был и торговый спор. Торговец А доставил хлопчатобумажную ткань согласно контракту, но в Рыбьем Хвосте произошли беспорядки, и торговец Б тоже понес убытки, поэтому отказался принимать товар. Однако он не требовал возврата залога, залог и был компенсацией, что было прописано в контракте. Но торговец А не согласился, он требовал от торговца Б полной оплаты товара.

Решение секретаря было следующим: согласно контракту, торговец Б не обязан платить полную стоимость. Действия торговца А являются вымогательством, и он должен уплатить штраф в размере пятидесяти процентов от стоимости товара. Торговец А не согласился, тогда... полиция немедленно приведет приговор в исполнение!

- Жаль, что мы не можем пойти, - Большой Мак посмотрел, как двое патрульных, изначально назначенных дежурить в канцелярии, увели торговца А.

В общем... все было очень субъективно и просто до грубости.

Он совершенно не руководствовался законом при вынесении решений. Если и можно было найти в его вердиктах хоть что-то положительное, так это то, что он не обирал бедняков, да и иногда у него действительно случались проблески здравого смысла. Штрафы и налоги он взыскивал с тех, кто выглядел более-менее состоятельным.

- Большой Мак, есть работа, - кто-то позвал их.

Войдя в коридор, где не было посторонних, Большой Мак раздал им деньги. Он поделил поровну. Орвицка, держа в руках несколько десятков айко, чувствовал себя немного нечистоплотным. Но в будущем, когда он станет командиром, ему тоже придется так собирать и делить деньги.

- Это хорошая работа, - заметил один из патрульных.

- Ха-ха-ха, раньше сюда могли попасть только подхалимы Шультона.

- Может, мы теперь будем часто сюда приходить? - с надеждой спросил другой.

Остальные с нетерпением ждали возможности вернуться. За такое короткое время заработать недельную зарплату - кто бы не хотел? О, Орвицка не хотел...

Сегодня он не видел никого, кого бы серьезно обидели - Орвицка был уверен, что Большой Мак понимает его характер, поэтому и выбирал делопроизводителя осмотрительно - но что, если в следующий раз попадетсЯ невиновный?

Вмешаться и возразить? Это, конечно, было бы бесполезно.

Не вмешиваться и смотреть, как умирает невиновный?

Поэтому лучше сюда не приходить. Не видеть, не знать - значит, этого нет.

Патрульные с улыбками последовали за Большим Маком к единственному залу суда. Помещение было размером с два класса, обстановка почти такая же, как в западных судах по телевизору: посередине - высокое судейское кресло, справа от судьи - скамьи для присяжных в виде ступеней. Отличие было слева от судьи - там располагалось место для священников. Сейчас там сидели священник Церкви Света в желтом воротнике с золотой бахромой,

священник Церкви Хранителей Закона в белой рясе с черным узором в виде терновника и священник Церкви Белого Света, одетый почти так же, как священник Церкви Света, только с белой бахромой на желтом воротнике.

Того священника Церкви Света Орвицка узнал - это был Родри, которого Змей Антони приводил помолиться за маленького Кола Ктона.

На скамьях присяжных сидели пятнадцать мужчин, все прилично одетые джентльмены. Один сейчас пил из своей серебряной фляжки, другой спал, положив руки на барьер присяжных, третий читал книгу, опустив голову.

Что касается судьи... он беззастенчиво поставил на судейский стол бутылку вина и, просматривая документы, время от времени прикладывался к ней. Его поведение окончательно успокоило тех, кто тайком пил на скамьях присяжных, и они тоже начали пить открыто.

- Ладно, приведите первую партию подсудимых, - судья икнул от вина и бросил лист бумаги. Секретарь в черном жилете поднял бумагу и передал ее стоявшему у двери Большому Маку.

Большой Мак оставил двоих у входа, а с остальными вышел из зала суда. Пройдя два коридора, Орвицка поморщился от резкого и знакомого запаха - трупного.

- Это камера предварительного заключения. Раньше здесь не было так ужасно, но все те, кого мы поймали, находятся здесь, - сказал Орвицке Макс Ватт.

В камере предварительного заключения, конечно, тоже дежурила сменная группа из пяти патрульных. Их взгляды говорили: "Наконец-то вы пришли".

Здесь держали всех, кого они схватили во время беспорядков? Всего пять патрульных - могли ли они уследить?

Войдя в камеру, Орвицка сразу понял ответ - конечно, могли.

Камеры здесь были намного больше, чем в участке, примерно 3 на 6 метров каждая. И они были забиты заключенными, в прямом смысле слова "забиты", как сардины в банке.

Большинство заключенных не могли сесть, им приходилось стоять, прижавшись друг к другу. Только некоторым очень худым счастливицам удавалось свернуться калачиком у ног остальных, но встать они уже не могли, даже пошевелиться, потому что ноги других людей становились для них новой решеткой.

И все заключенные были босиком, без обуви. Их обувь, вероятно, уже лежала на складе в магазине подержанных вещей.

Патрульный черпал воду из ведра и плескал на них. Неподвижные заключенные открывали рты, и если им везло, несколько капель попадало им в рот, утоляя жажду.

Некоторые заключенные уже не двигались. Возможно, они потеряли сознание, а может, именно от них исходил трупный запах в камере.

- Как же вывести заключенных из списка? - Бумага, которую Большой Мак получил от судьи, была списком подсудимых, около десяти человек, чье дело должны были рассматривать.

- Вот так и вывести, - ответил Ватт.

Так называемое "вот так" означало открыть одну камеру, вытащить десять заключенных, и можно было их вести.

- Не нужно сверять имена по списку, все равно преступления у них одинаковые, - пояснил Ватт.

Эти заключенные, едва выйдя из камеры, тут же падали на колени. Некоторые сразу теряли сознание. На них выливали воду, но даже очнувшись, они не могли встать - у всех дрожали ноги, все тело было слабым. Но это не имело значения. Им на шею просто надевали цепи и тащили. Все равно за пределами камеры предварительного заключения коридоры суда были выложены мрамором, очень скользким, идеально подходящим для того, чтобы тащить людей.

Тех, кто просто воровал еду, искал старую мебель для розжига, крал одежду, но оказался в неправильное время в неправильном месте, в основном пороли несколько раз плетью и отпускали. Те же, кого отправили в суд, не были хорошими людьми - они все сдались без единой царапины.

Начальник Далиан убивал тех бунтовщиков, которых ловили поодиночке, но невредимых

пленников, сдавшихся на "поле боя", он не убивал, а передавал дальше - легкораненым он тоже не приказывал добивать, просто не обращал на них внимания. Но убежать они, конечно, не могли, это расценивалось бы как сопротивление. Поэтому раненые бунтовщики просто лежали на месте, а через некоторое время превращались в трупы.

Те невредимые пленники, которых передали дальше, сейчас в основном и толпились в этой камере. Те, кого здесь не было, вероятно, лежали в куче тел у виселицы или в общей могиле за городом.

Их смерть была заслуженной, но то, как патрульные сейчас обращались с людьми, как со скотом, Орвицка принять не мог.

Эти бандиты вели себя как скоты, но их внешность была человеческой. Орвицка уже мог без колебаний пристрелить этих скотов, но сам он не мог получать удовольствие от их истязания. Он медленно тащил назначенного ему заключенного за воротник.

Так или иначе, их доставили в зал суда и кое-как свалили у скамьи подсудимых.

Судья, явно выпивший еще немало за время их отсутствия, небрежно зачитывал имена обвиняемых. Присяжным было все равно, патрульным - все равно, самим заключенным - все равно. Даже те трое священников, хоть и выглядели серьезными, на самом деле, вероятно, тоже были равнодушны?

- ...Вышеупомянутые десять человек, считает ли жюри присяжных их вину в участии в беспорядках доказанной? - Никакой защиты, никаких доказательств, никаких судебных прений - ничего, сразу переход к вынесению приговора.

- Виновны.

- Да.

- А? Да, да.

- Угу.

Присяжные отвечали то со скучающим видом, то зевая, то совершенно растерянно.

- Считают ли священники возможным помилование? - Судья снова обратился к священникам.

- Помилованию не подлежат.

- Подсудимые признаны виновными и приговариваются... к чему приговорили последнюю группу вчера? - спросил судья у секретаря.

- Ссылка на Канварский архипелаг, - секретарь пролистал предыдущие записи.

- О, тогда - повешение!

Бам! Деревянный молоток ударил по столу, вынося окончательный вердикт.

Быстро, абсурдно.

Но как патрульный, Орвицка должен был вместе с коллегами вытащить осужденных на казнь.

- Хе-хе-хе. Хе-хе-хе-хе... Ха-ха-ха-ха! - Один из осужденных во время того, как его тащили, засмеялся. Сначала тихо, потом все громче, и наконец, разразился диким хохотом.

Дэнни Кадо стало не по себе от его смеха. Он остановился и вытащил дубинку, но Большой Мак схватил его за руку:

- Он скоро умрет.

Дэнни Кадо подумал, скривил губы и убрал дубинку.

Осужденных вытащили наружу, палачи пришли забрать их. Утром у входа в суд было малоллюдно, теперь же собралась толпа. Были там и пьяницы в грязной одежде, которые, прикладываясь к бутылке, не сводили глаз с виселицы; были дамы и девицы с зонтиками от солнца, полуприкрыв лица веерами, они сидели на принесенных с собой стульях, одновременно предвкушая и боясь; были и прилично одетые джентльмены, которые, играя тростью, с возбуждением на лице наблюдали за происходящим...

Людей повесили, толпа ликовала. Палачи объявляли преступления осужденных, толпа ликовала. Палачи дергали рычаг виселицы, открывая люк, толпа ликовала. Осужденные бились в конвульсиях, а затем затихали навсегда. Дамы вставали, джентльмены поднимали трости, взрослые, пришедшие с детьми, поднимали детей над головой. Толпа ревела от восторга.

Следующую группу осужденных повесили, все повторилось.

Орвицка думал, что во время подавления беспорядков он привык к смерти, но оказалось, что то чувство искажения мира вернулось. Впрочем, он уже имел достаточный опыт борьбы с этим чувством. Его не стошнило, даже выражение лица почти не изменилось, но оно стало совершенно бесстрастным.

По сравнению с другими патрульными, которые нормально разговаривали и смеялись, он выглядел ненормальным.

Орвицке было стыдно перед Большим Маком - он снова стал чужим.

Всех осужденных повесили. Им нужно было возвращаться, чтобы привести следующую партию на суд. Орвицка взглянул на виселицу. Под ликование толпы тела повешенных тихо покачивались, а люди вдали улыбались и смеялись. Если бы ликовали родственники жертв, это было бы понятно, но это были просто зеваки - он должен был запомнить эту сцену. Это был мир, в котором он теперь жил. Мир, который, как он думал, давно исчез в реке истории и остался только в сатирических романах прошлого.

- Пойдешь к делопроизводителю? - специально спросил его Большой Мак.

- Я в порядке, - покачал головой Орвицка.

- Ладно.

Они привели еще три партии осужденных. Судья ушел на перерыв, потому что наступило время обеда.

Им тоже нужно было обедать. В суде, оказывается, кормили один раз - два куска хлеба, миска похлебки из гороха, моркови и курицы, маленький кусочек колбасы. Еда была невкусной, да Орвицка и не хотел есть. Еда для него была в основном удовольствием для вкусовых рецепторов.

- Мондэйл, к тебе пришел Билл Батлери, - позвал его патрульный, стоявший у двери.

- Спасибо, - прекрасно, теперь он мог избежать этого обеда.

Орвицка поставил деревянную миску со своей порцией на стол и побежал к выходу.

<http://bllate.org/book/17916/1715792>